

2012/3 (9)

Содержание

Теоретическая культурология

Горин Д. Г.

К феноменологии должного
и сущего: «иное царство»
и метафизика власти
в культуре России

Савруцкая Е. П.

Коммуникационный аспект
инновационных трансформаций
в конструировании социальной
реальности

Историческая культурология

Чистякова В. О.

Отечественное военное кино 1911–
2011 годов: медиатизация памяти

*Сорокин А. П.**Лосунов А. М.*

Мифологема «столичности» города
Омска: исторические основания и
современный контекст

Прикладная культурология

Синецкий С. Б.

Культурные трансформации
в XXI веке: осмысление перспектив

Садохин А. П.

Теоретико-методологические
ресурсы культурологической
экспертизы

*Кочеляева Н. А.,**Разлогов К. Э.*

Современное понимание культуры:
от теории
к законодательной практике

Доклады, прочитанные на юбилейной сессии Ученого совета
Российского института культурологии

УДК 930(438)“18/19”

Васильев А. Г.

VITA MEMORIAE, CASUS POLONIAE

Аннотация. Доклад посвящен анализу актуальных проблем memory studies и путям применения теоретико-методологических положений данного подхода к анализу российско-польских отношений. Рассмотрены основные положения «мемориальной парадигмы» и их значение для современной культурологии. Показаны причины актуализации данной проблематики в современном социокультурном и политическом контекстах. Выявлены особенности процесса нациестроительства в Польше и влияние на него образов исторической памяти. Проанализированы основные «мемориальные нарративы» польской национальной идентичности и продемонстрирована важность учета их влияния при разработке стратегии выстраивания российско-польских отношений.

Ключевые слова: memory studies, «места памяти», история «второй степени», краковская школа, польский романтизм, И. Лелевель, А. Мицкевич, разделы, польское национальное сознание, мессианизм и пессимизм

После первого покушения на Александра II в 1866 году, когда Каракозова задержали, первый вопрос, который задал ему Александр (видимо, первое, что пришло ему в голову), был: «Ты поляк?». У Александра II не было ни малейшего сомнения в том, что это мог быть только поляк. Лишь два года прошло после подавления Январского восстания в Польше... Сюжет с российско-польской памятью в тот день получил дальнейшее развитие. Герой севастопольской обороны генерал Тотлебен засвидетельствовал, что террорист промахнулся, потому что его толкнул стоявший рядом крестьянин. Им оказался происходивший из Костромской (!) губернии петербургский картузник Осип Комиссаров. Крестьянин был возведен в дворянство, а Мариинский театр вечером, сняв все представления, показал оперу М. Глинки «Жизнь за царя». В ее финале другой костромской крестьянин в конце вместо того, чтобы погибнуть, дубиной героически разогнал всех поляков под бурные аплодисменты зала.

Этот небольшой пример показывает то, как работает коллективная память и влияет на актуальные процессы современной политики.

Гуманитарные исследования

Штейнер Е. С.

Левизна художественная и политическая в детской книге Европы и Америки 1920–30-х гг. (Часть 2)

К 80-летию Российского института культурологии

Visual studies: теоретические исследования в Санкт-Петербургском отделении Российского института культурологии

Доклады, прочитанные на юбилейной сессии Ученого совета Российского института культурологии

Чикишева А. С.

Феномен ностальгии и его проблематизация в современном культурологическом знании

Васильев А. Г.

Vita memoriae, casus Poloniae

Рабинович В. Л.

«Изгой нынчести»: Маяковский и Че Гевара

Рецензии

Фадеева И. Е.

Текстуальные революции как феномен российской цивилизации: от геопоэтики к геосемиотике

Рейфман Б. В.

Путешествие как ойкумена, ищущая свою границу: по поводу книги «Путешествие как феномен культуры»

Научная жизнь

Богатырёва Е. А.

Разноречие и разногласия: дискуссии о М. М. Бахтине в Бертиноро

Гончарик А. А.

Международный культурный форум 2012 в Ульяновске: итоги и перспективы

Польский мотив, совершенно отсутствовавший тогда как элемент реального события покушения на царя, сработал именно как «место памяти», продемонстрировав наглядно влияние прошлого на российско-польские отношения. В своем докладе я остановлюсь на некоторых теоретических вопросах, связанных с memory studies, а затем попытаюсь кратко показать, как эти теоретические положения «работают» на том конкретном польском материале, который, как мне представляется, очень важен для нас, потому что мемориальные аспекты культуры во многом определяют и российско-польские, и российско-европейские отношения.

Memory studies как междисциплинарная парадигма культурологических исследований впервые заявила о себе в 1920-е гг. У ее истоков стояли французский социолог Морис Хальбвакс и немецкий искусствовед, историк искусства Аби Варбург. В их работах была показана тесная связь между социальной общностью, группой и памятью; было показано, что между идентичностью (правда, слово «идентичность» тогда практически не использовалось, однако тема эта звучала) и памятью существует взаимосвязь. В связи с этим было отмечено, что образы прошлого, коллективная память постоянно трансформируются и видоизменяются, поскольку группа меняет свою текущую наличную ситуацию в мире и вынуждена постоянно «переписывать» свою историю. Таким образом, шутка советского времени о том, что СССР — это страна с непредсказуемым прошлым, в качестве социологической закономерности была выявлена еще Морисом Хальбваксом. Она относится абсолютно к любой стране, любой социальной общности, поскольку любая социальная общность постоянно занимается переформатированием образов прошлого в интересах поддержания своей идентификации.

Кроме того, в этих исследованиях был отмечен еще один существенный момент: память должна быть локализована. Коллективная память, и это позднее позволило говорить о культурной памяти, должна быть «прикреплена» к носителям, которые предоставляет та или иная культура. Это так называемые «места памяти», которые могут быть как топографическими, конкретными пространственными местами, так и местами символическими, то есть местами самого разного рода — память требует олицетворения, овещствления, воплощения и включения в процессы коммуникации.

Эти моменты были выявлены исследователями уже в конце 1920-х гг., но с парадигмой памяти в истории социально-гуманитарной мысли произошла весьма интересная вещь: создатели теории коллективной памяти сами были забыты. На протяжении 1940–70-х гг. тема коллективной памяти, социальной памяти не звучала — эта парадигма ушла из актуальной перспективы социально-гуманитарных наук, и только в 1980-е гг. начинается так называемый «мемориальный бум». Проблематика памяти в ее социальном, коллективном, культурном измерении становится предметом бурного академического интереса, который возникает одновременно в самых разных областях знания. Кроме того, память становится предметом оживленного обсуждения и напряженного общественно-политического внимания, возникают такие новые понятия, как «политика памяти», «историческая политика», когда память понимается не только в академическом смысле и активно изучается учеными, но и привлекается к решению социально-политических вопросов.

С чем же это было связано? Что породило мемориальный бум 1980-х, который, по сути, продолжается и сегодня? Это вопросы интересные и

весьма дискуссионные; они продуцировали многочисленные попытки ответить, причем — с разных точек зрения. Во-первых, обычно говорится о том, что последняя четверть XX в. — это время критически важных годовщин, связанных с Второй мировой войной (в СССР 1985 год — сорокалетие Победы). В то же время, эти годовщины обозначили начало исторического периода, когда поколение, прошедшее войну, начало постепенно уходить, сначала — из активной общественной жизни, а затем и физически. Для коллективной памяти это — принципиальный рубеж, поскольку в такие моменты начинается интенсивная работа по фиксации и мемориализации событий. Когда остается все меньше живых участников события и живых носителей коммуникативной памяти, то принципиальным и стратегическим становится вопрос о том, кто и как эту память присвоит, оформит, мемориализирует, сделает своим достоянием.

Память Второй мировой войны была стратегическим ресурсом практически для всех европейских стран и имела важное значение и в мировом масштабе. Это во-первых. Во-вторых, конец прошлого века — это период совершенно невиданного развития информационных технологий, впервые создавших техническую возможность «хранить все» и «помнить все», которой прежде у человечества не было. Это привело к парадоксальным последствиям: стали, например, говорить о том, что возможность хранить невиданный объем информации в *практическом смысле* приводит к социальной амнезии, потому что этот огромный массив данных становится неоперациональным, в нем невозможно ориентироваться, им сложно пользоваться.

Технические возможности, которые, казалось бы, позволяют расширить человеческую память до безграничных масштабов, воздействовали на нее совершенно обратным образом. Сначала отдельные люди, а потом и целые общественные и политические организации начали ставить вопрос о праве на забвение. В предшествующих культурах быть запомненным, записанным, зафиксированным составляло высочайшую социальную привилегию. На сегодняшний день, с развитием информационных технологий привилегией становится скорее обратное — это возможность потребовать, чтобы тебя откуда-нибудь «удалили», «забыли». Это право на забвение сегодня серьезнейшим образом обсуждается, и уже есть соответствующие инициативы Евросоюза, которые требуют закрепления права пользователя удалить выложенные в Интернет данные по своему усмотрению [1]. Это действительно стало проблемой, и люди не хотят, чтобы, скажем, через 30 лет начальник отдела кадров нашел в социальных сетях фотографии со студенческой вечеринки, которые они выложили в 18 лет. Спустя определенное время удалить материалы оказывается гораздо сложнее, чем разместить.

Принципиально важной характеристикой последнего времени стали трансформации, связанные с глобализацией: начался кризис национальных государств и стали разрушаться структуры, вокруг которых на протяжении столетий центрировалась коллективная память как память национального государства. «Великие повествования» о «великом прошлом» национальных государств начали подвергаться все большему и большему сомнению, в частности потому, что возникли голоса меньшинств — голоса ранее подавленные, вытесненные. Само национальное государство стало пониматься как конструкт, который имеет совершенно определенные исторические рамки существования и вовсе не является самоочевидным абсолютом для формирования исторической памяти, что тоже привело к кризисным моментам.

Кризис национального нарратива был отрефлексирован во Франции, где в 1987 г. вышел первый из семи томов глобального проекта под редакцией Пьера Нора, который назывался «Места памяти». Основной задачей этого проекта была «инвентаризация» памяти во Франции; авторы хотели, чтобы французы задумались о том, *кто они есть сегодня*, кто они есть сейчас. Недавно к этой теме вернулся бывший президентом Франции Николя Саркози, который в 2010 г. объявил общенациональную дискуссию о том, что значит быть французом сегодня [2]. Так, в период глобализации и кризиса национальных государств проблема национальной идентичности и коллективной, в первую очередь — национальной памяти стала ключевой.

Еще один важный момент, приведший к мемориальному буму, — это кризис и распад системы социализма, поскольку крушение Советского Союза привело к взрыву подавленной прежде памяти, которой в публичном пространстве до этого не существовало, памяти жертв, репрессированных, переселенных, оккупированных и т.д. В новом свете возник концепт Центральной и Восточной Европы, которая стала претендовать на то, что у нее иная память о XX веке, не такая, как у России, и совершенно не такая, как у Запада. Например, мета-нарратив Второй мировой войны, который был системообразующим на протяжении второй половины XX века для большинства стран, нарратив, организовывавший идентичность и Советского Союза, и западных стран, был создан в период Ялтинской и Потсдамской конференций, а также Нюрнбергского процесса. Как только произошло крушение социалистической системы, как только возникли голоса альтернативной памяти стран Центральной и Восточной Европы, этот нарратив тут же оказался под сомнением, что вызвало очень болезненные реакции в России, на Западе и в мировой политике.

Итак, как на сегодняшний день выглядят *memory studies*? *Memory studies* — это междисциплинарная, даже трансдисциплинарная область культурологических исследований, которая исходит, во-первых, из того, что культурная память находится в состоянии постоянной трансформации, развертывания и видоизменения. Во-вторых, культурная память — это явление нелинейное и не всегда предсказуемое. В-третьих, мнемонические практики и способы мемориализации, принятые в разных культурах, отличаются, и существуют различные культуры воспоминаний, характерные для разных сообществ. Между памятью и идентичностью существует основополагающая связь и взаимная зависимость. Сюжеты и образы памяти глубочайшим образом вовлечены в конфликты различного уровня. Культурная память должна рассматриваться только в связи с местами памяти и мемориальными ландшафтами, культурная память избирательна, социально распределена и потенциально конфликтна. И наконец, мемориальная парадигма исходит из того, что память всегда является инструментом политики и используется различными социальными группами для достижения определенных целей и получения тех или иных выгод и преимуществ.

На этих основных положениях современные *memory studies* стоят, и с этой точки зрения они предлагают себя как некую парадигму культурологических, а точнее историко-культурологических исследований, потому что *memory studies* позволяют на всю культурологическую проблематику посмотреть под своим углом зрения. Прежде всего они изменяют угол зрения на теорию культуры, начиная с самого фундаментального, с нового понимания культуры именно как механизма памяти, а

также и на историю культуры, потому что *memory studies* занимаются историей культуры как историей «образов-воспоминаний». Специалисты по культурной памяти — люди несколько циничные: они никогда не ставят вопрос о том, «как это было на самом деле». Вопрос ставится следующим образом: почему, каким способом, при помощи каких инструментов в том или ином сообществе в определенное время некое событие было запомнено и запомнено именно таким образом. И почему в другом сообществе, в другое время оно будет мемориализировано совершенно иным образом, при помощи других средств, будет использоваться с другими целями, а в третьем сообществе вообще будет вытеснено и забыто, то есть просто не будет существовать или будет вызывать в одних ситуациях ностальгию, а в других — рессентимент и т.п.

Соответственно, возникает программа изучения образов воспоминаний, или как ее иногда называют, «история второй степени», имея ввиду, что это история не того, как событие происходило, а того, как это событие было зафиксировано. (Многие современные историки выступают против этого понятия, говоря, что другой истории, по сути дела, просто не бывает. Любая история — это история «второй степени». Любой историк, даже если он свято клянется, что изучает прошлое как таковое, имеет дело с различным образом медиатизированными формами культурных воспоминаний.) Исходя из этих теоретических рассуждений, я постараюсь коротко рассмотреть *casus Poloniae*, поскольку Польша является предметом моих исследований.

Этот случай действительно интересен для *memory studies*, поскольку польская культура принадлежит к числу культур историоцентричных. Конечно, воспоминания о прошлом, образы прошлого играют важную роль в любой культуре, но есть культуры особенно сконцентрированные на истории. Такими культурами можно назвать еврейскую культуру, а также польскую, армянскую, российскую и, конечно, французскую. Как шутят английские историки, в Англии, к примеру, невозможно представить Кабинет министров, заседающий по поводу содержания учебника истории, а во Франции, в России или Польше это совершенно нормальная ситуация. С чем это связано? В случае Польши — с особыми историческими обстоятельствами, потому что в Польше нацистроительство (а мы говорим в данном случае о национальной памяти) протекало весьма любопытным образом.

Если говорить о нацистроительстве и роли памяти в этом процессе, то в нем, обобщенно говоря, выделяются две модели. Есть, условно говоря, «восточноевропейский национализм» и «западноевропейский национализм». «Западноевропейский национализм» опирался, как правило, на устойчивые, старые, стабильные государства, и при нацистроительстве основную роль играли государственная власть, бюрократия, аристократия, которые строили нацию на памяти о великом государственном прошлом. Классический пример — Франция, где память аристократии превратилась в национальную. На востоке Европы ситуация была другая. Там нацистроительство, как правило, протекало на основе этнофольклорных сюжетов, поскольку с древними государствами дело обстояло хуже — как правило, эти земли входили в какие-либо более крупные государственные образования. Формирование нации обычно сопровождалось здесь взлетом фольклористики и этнографии и строилось на основе не политической, а этнокультурной модели. Отсюда два типа национализма — культурный и гражданско-политический.

Польша — это особый случай «Запада на Востоке», поскольку там основным агентом нацистроительства были шляхта, дворянство и

интеллигенция, которая имела шляхетское происхождение и транслировала шляхетскую дворянскую память. Национализм протекал в основном с опорой на воспоминания о великом государстве Речи Посполитой, осуществлявшем в определенный исторический период гегемонию в Центральной и Восточной Европе. Существенно важно однако и то, что в тот самый период, когда процесс национализма активно развивался везде, включая Польшу, государство исчезло. В конце XVIII в. это самое государство, которое имело древнюю историю, которое должно было стать основной национальной самоидентификации, исчезло, было разделено, как все знают, между тремя странами. Это был беспрецедентный случай для европейской истории Нового времени, когда страна посреди Европы просто исчезла с карты (беспрецедентный, конечно, для XVIII–XIX веков, но после XX века никого уже ничем не удивишь). В связи с этим национальная память была с самого начала окрашена травмой, и дальнейшие процессы национализма протекали вокруг осмысления этого центрального события — разделов конца XVIII в.

Как говорил Ключевский о реформах Петра I, к оценке этих реформ сводится вся философия русской истории, потому что о каких бы сюжетах русской истории ни шла речь, все равно все сведется к разговорам о том, прав или не прав был Петр I, почему он проводил реформы и т.д. То же самое в польской истории происходит с разделами — о чем бы мы ни говорили, даже о самых современных проблемах, польская культура все равно возвращается к этому «месту памяти», к обсуждению того, как это стало возможно и как в свете этого следует понимать и польскую, и европейскую историю.

Существует два мемориальных сценария, которые продолжают жить и активно работать до сегодняшнего дня и должны быть известны любому человеку, который работает с Польшей. Первый способ мемориализации травмы и построения национальной идентичности — это способ романтически-оптимистический. Условно, это концепция выдающегося польского историка Иоахима Лелевеля и великого поэта Адама Мицкевича, которые создали «контрпрезентную» (по терминологии Я. Ассмана) версию национальной памяти. В их представлении, разделы — это событие, которое не должно было произойти, с которым нельзя примириться, которое абсолютно Польшей незаслуженно, несправедливо и никаких внутренних причин и предпосылок не имеет. Есть одно единственное объяснение: Польша была слишком хороша, слишком далеко ушла вперед по сравнению со всеми остальными странами, ее окружавшими. И в ситуации, когда вокруг нее были только темные, дремучие, тиранические, деспотические режимы, которые, как огня, боялись того света и счастья, которые проистекали из великой Польши, они, конечно, ее уничтожили. Однако тем самым они только подтвердили ее величие и показали, что грядущее возрождение Польши будет освобождением для всего человечества. Польша — Христос народов, отсюда возникает национальный мессианизм, а каждое восстание осмысливается как Пасха, так как Польша — это Христос. Таким образом, формируется романтически-оптимистическая версия национальной истории, где главная ответственность за все проблемы возлагается на внешнее окружение, а сама страна предстает в виде, во-первых, невинной жертвы, а во-вторых — совершенно выдающегося деятеля мировой истории. Это первый сюжет, и он до сих пор сохраняет в польской политике большое влияние.

Вторая версия — пессимистическая, представленная так называемой «краковской школой» польской историографии последней трети XIX в.

«Краковские пессимисты» утверждали, что разделы (и это версия, которую Ассман назвал бы «обосновывающей») произошли совершенно закономерно. Польша не была никаким светочем цивилизации. Это была анархическое и архаическое общество, даже и не страна уже, а просто конгломерат магнатских владений, который сам давно распался изнутри. И то, что его присоединили окружающие «нормальные» державы, было хорошо и плодотворно для самой Польши. Поэтому не нужно поднимать никаких восстаний, нужно сосредоточиться на себе, работать, развивать страну в пределах предоставляемых возможностей и т.д.

Эти две модели продолжали работать и в XIX, и в XX веке, периодически синусоидально меняя свое влияние. Парадоксально, но, например, в социалистический период «краковская модель» была практически официальной идеологией, при том, что краковские пессимисты не были революционерами, их скорее можно назвать правыми консерваторами-реакционерами. Но именно их модель взяли на вооружение польские коммунисты для обоснования своей власти, потому что краковские историки и политики говорили о том, что не надо увлекаться мессианизмом и восстаниями, но следует уважать и ценить сильную власть, порядок и т.д.

Завершая на этом свои размышления, хочу отметить, что когда мы занимаемся межкультурной коммуникацией, в частности, российско-польскими отношениями, да и вообще любыми межкультурными отношениями, знание и учет влияния моделей культурно-исторической памяти чрезвычайно важны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Жители Евросоюза получают право «на забвение» // РБК [Электронный ресурс]. 2012. 5 янв. URL: <http://top.rbc.ru/society/05/01/2012/632621.shtml> (дата обращения: 20.09.2012).

[2] См. подробнее: *Кнеллер И.* Как стать французом // Ё-Огонек [Электронный ресурс]. 2010. № 6 (5115). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1316148> (дата обращения: 20.09.2012).

© Васильев А. Г., 2012

© Назарова Н. В., фото, 2012

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2012 г.

Васильев Алексей Григорьевич,

кандидат исторических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе,
Российский институт культурологии (Москва)
e-mail: vasal2006@yandex.ru

VITA MEMORIAE, CASUS POLONIAE

Abstract. This report was presented during the jubilee session of the Academic Council at the Russian Institute for Cultural Research and dedicated to the analysis of the memory studies problems. The author addresses the issues of applying related theoretical and methodological approaches to the study of Russian–Polish relations, examines the basic ideas of the “memorial paradigm” and their significance for contemporary cultural research. The paper displays the reasons of actualising these problems within the contemporary sociocultural and political contexts, reveals particular features of the nation building in Poland and the influence of historical memory images on the former. The author considers the basic “memorial narratives” of Polish national identity and shows the importance of making allowances for their influence on the strategy development in building up Russian–Polish relations.

Key words: memory studies, les lieux de mémoire, second degree history, Krakow historical school, Polish Romanticism, Joachim Lelewel, Adam Mickiewicz, Partitions, Polish national consciousness, messianism and pessimism

Vasiliev Alexei Grigorievich,
PhD in History, Associate Professor,
Deputy Director for Research,
Russian Institute for Cultural Research (Moscow)
e-mail: vasal2006@yandex.ru